

Российский писатель Владимир Сапожников (1922 – 1998) осознал свое призвание на фронте. Одно мимолетное переживание определило всю его дальнейшую судьбу. Он сам рассказал об этом. Потом, когда мы познакомились и сдружились, я не раз слышал от своего старшего товарища и коллеги по литературному делу суждения такого рода: «Лев Николаевич Толстой для своего главного произведения выбрал простое до гениальности название – «Война и мир». Наши писатели всегда думали над этими двумя, как будто противопоставленными друг другу понятиями. Кто был на войне, тот знает, что и в бою, и в мирной повседневности нам приходится иметь дело с черным злом, и тот, кто не убит от опасности, кто страх преодолет, тот добивается победы.»

Владимир Сапожников: «Осилившему страх победа идет навстречу»

На войне и
в гражданской жизни

Уйдя на фронт восемнадцатилетним второкурсником Тюменского пединститута, он попал в казачьи части и в ходе боев достиг должности эскадронного старшины. Сражался умело, был отважен, при этом никогда не отступал от своих обязанностей – чтобы бойцы всегда были сыты, по возможности, не мерзли, а кони снабжены амуницией.

Потом, в гражданской жизни, его ценили за верность и бескорыстие, склонность к оправданному риску, решимость и умение отстаивать свои убеждения, а также за напористость и яркие речи, сдобренные особым кавалерийским юмором. В писательской среде его так и звали – Казак, Кавалерист. Он отшучивался, а если задевали сильно, мог и дать сдачи. Вместе с тем, человек это был добрый, отзывчивый, всегда способный протянуть ближнему руку помощи. Естественно, очень любил лошадей, знал в них толк, и, возможно, сложилось по-иному, нашел бы себя в должности какого-нибудь директора конезавода – я от него это слышал.

Нейтральная полоса

Вернусь, однако, к тому происшествию, случившемуся, по датировке писателя, в тысяча девятьсот сорок четвертом году, когда территория нашей страны была уже освобождена, и советское войско догоняло и добивало врага в иных землях.

Впечатления, положенные в основу самого первого своего произведения – «Рассказы старшины Арбузова», Владимир Сапожников успел зафиксировать в кратком перерыве между боями (подзаголовок повести в новеллах «На фронте затишье») на обороте трофейных игральных карт. С одной стороны были короли и валеты, тrefовые и червовые дамы, с другой – поневоле краткий рассказ о событии, потрясшем его. Ничего, более пригодного для записей, ни клочка бумаги не оказалось. Автор признается, что о писательстве он тогда не думал, саму профессию не слишком понимал, о ней не мечтал, отдать ей всю дальнейшую жизнь и помышлять не мог. Между тем, именно это и случилось. А происшествие было поистине завораживающим и воплотилось в конечном заключении: «Жизнь побеждает войну!».

Дело в следующем. Эскадрон 4-го кавалерийского полка, где служит старшиной герой повествования, он же рассказчик, от лица которого ведется повествование, стоит на отдыхе. Обстоятельства сложились

так, что очень нужная, редкая ситуация с затишьем дает бойцам время на передышку, на отдых, они могут оглядеться вокруг себя, заняться неотложными делами.

На небольшом расстоянии одна от другой змеятся две траншеи, наша и немецкая. Иногда постреливают те и другие, пока никого не убило, не ранило. Приказ о возобновлении боев еще не поступил. Солнышко, на лесных полянах цветут ромашки, иллюзия полного благополучия.

И вдруг...

«Что это? Что-то двигалось по нейтральной полосе! Виделось шевеление травы, и это было жутко: там, между траншеями, живое?! Серенькое, легкое, оно то ли бежало, то ли, мелькая над травой, летело. Птица? Конечно, птица. Не птица давно бы взорвалась на mine, нашей или немецкой!»

Но это была не птица! Это был лесной олешек, пятипалая лань. Светло-коричневая шубка в черных крапинках, ложки-уши, скошенные, цыганские, огромные от испуга глаза... Лань, видимо, долго металась по лесу, ища спасения, но везде грохотало, рушилось, и, заблудившись в страхе в родном лесу, она оказалась на утыканной минами нейтральной полосе.

Шарахаясь то от немецкой ощеренной ружейными стволами траншеи, то от нашей, пугаясь желтизны брустверов, лань бежала, видимо, сама не зная куда, и мы замерли: вот сейчас с той или другой стороны грянет выстрел, взрвет пулеметная очередь, или мина – р-рах, и нет ничего.

Но лань бежала! Я уже видел точеную сухую головку на высокой шее, стройное, изящно-легкое вытянутое тело, когда лань в высоком прыжке прыгала вверх, вся

на миг показываясь над травой в стремительном беге-полете.

И что-то мелькало сзади, будто невидимой нитью к лани привязанное, в точности повторяя ее движения. Что-то поменьше, почти белое, еще больше похожее на порхающую над травой птицу...

Маленький! Ланенок, может быть, недавно родившийся в этом солнечном дубяке... Он ни на шаг не отставал от матери, от ее светлого зеркальца, повторяя смертельно панические зигзаги ее бега: мать, взвиваясь, прыгала через поваленное дерево, и он, будто взятый невидимыми крыльями, прыдал вверх, мать, поджав струнки-ножки, сжавшись в комок, перемахивала проволоку, напуганную между шпринг-минами, и он перепрыгивал...

Все почувствовали, какая в лесу наступила тишина. Молчали обе траншеи. Обе траншеи онемело следили за двумя беглецами: так малы они были, так хрупки... Почему эти двое оказались тут, посреди войны? Как получилось, что мы, лане, втянули в жестокое наше дело их, ничего не ведающих, ни в чем не повинных, бесконечно далеких от зла и кривды, нас разделяющих?..

«Пробегут ли? – задыхаясь, ждали мы – Не ошибутся ли?»

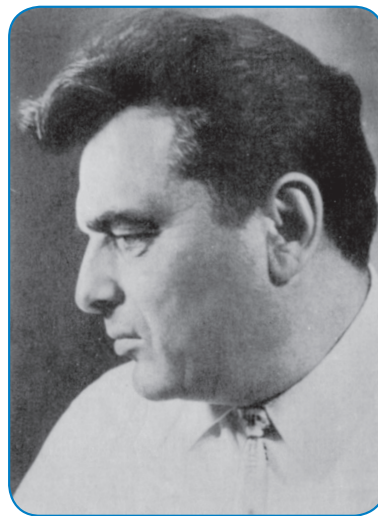
Пробежали, скрылись в лесной чаще...

И еще несколько минут стояла тишина, и это была самая прекрасная тишина, которая торжественным благовестием по сей день звучит в моем сердце.»

Время труда и долга

После войны Сапожников много лет провел в скитаниях, и кем только не работал – ходил с геологами по горным отрогам, рыбачил на Байкале, плавал мотористом-механиком на сибирских реках, стоял на мостиках степных комбайнов. Пристально вглядывался в то, как живут, как трудятся земляки. Ему повезло: рукопись «Рассказы старшины Арбузова» попала к литературоведу и литературному критику Яновскому. Лучших редакторов на свете не бывает... Николай Николаевич, сам бывший фронтовик-десантник, вместе с автором поработал над текстом и опубликовал «Рассказы...» в 1955 году в журнале «Сибирские огни».

Некоторое время Владимир служил разъездным корреспондентом в томской газете «Красное знамя» ради командировок в разные, самые отдаленные уголки Сибири. В результате этих поездок возникла вторая книга Сапожникова «Я хочу

рассказать...» (1958), добрая, немного наивная, не свободная от некоторой доли газетных штампов. То было время целины, студенческих отрядов и первого советского спутника Земли. И начинающий писатель захотел поведать миру, какой ему предстала советская, уже не вовзвевшая молодежь с ее любовными переживаниями, общественными и личными проблемами. Предстала жизнерадостной, оправдывающей надежды отцов, способной участвовать в решении больших задач, выдвигаемых эпохой...

Сапожников-газетчик в редакции продержался недолго. Полагая, что профессия журналиста для него лишь пролог к писательской, с головой погрузился в создание собственных книг. И, рассказывая то, что хотел и как умел, создал около сорока книг добротной, вдохновенной прозы.

Пришло признание на родине, книги его переводились на многие иностранные языки, по его рассказам создавались сценарии и ставились кинофильмы.

Городок.

Воспоминание о любви

В Сибири строится Городок науки. Его возводят, по словам одного из героев рассказа Сапожникова «Кассиопея», «лирики старого закала», они полны энтузиазма. Сын вспоминает об утонувшем отце, начальнике большой стройки: «Он жил на энтузиазме и поэтому успел так много сделать». Сын намерен сделать, по крайней мере, не меньше, чем отец, но соединив энтузиазм лириков с научным расчетом. Его устремленность скорее всего оправдается.

Как всегда у Сапожникова, информативны детали. В рассказе «Вперед, ветераны!» строительство почти завершено, и главную улицу называют Жемчужным проспектом. В «Кассиопее» этот же (по всем признакам) проспект таков, как в натуре Морской. Котлованы, самосвалы, и над всем этим перерывным устройством мира вышасяется роскошный, великолепно отделанный центр культуры мирового уровня из рассказа о празднике ветеранском – Дом ученых!

Драмы, происходящие в Городке, такой же страсти, того же накала, как и во всем мире. Герой «Кассиопеи» Гурнов, будучи в командировке, попутно приезжает на стройку, чтобы повидать свою бывшую супругу Ларису. Не виделись двадцать четыре года, за это время в новых семьях выросли взрослые дети. Лариса теперь начальник крупного коллектива строителей, под ее руководством возведены и жилые кварталы, и университет, и центры торговли...

«Городок был чистый, новенький, зеленый, деревья стояли даже среди протуаров, и где-то слышалась кукушка. Гурнов остановился и послушал кукушку, удивляясь,

что ей не мешает утренний шум. Впрочем, и шум был покойный, мягкий, почти деревенский. Гурнов то садился и сидел где-нибудь на лавочке, устроенной в тени столетней сосны, то снова шел неведомо куда.»

Городок. Вулканы мысли

А вот идет по Городку ветеран Кустов. «На Жемчужном проспекте людно, толпа текла неторопливо, наслаждаясь запахом цветущей вербы, теплом первого весеннего дня. Гуляли по проезжей части улицы: на праздники Жемчужный закрывали для транспорта. Всю прошлую ночь дул южный ветер, молодые березки на проспекте выбросили первый листок, и сегодня деревья клубились прозрачным зеленым дымком. Всегда нарядный проспект сегодня выглядел торжественно, пасхально-празднично, не хватало лишь светлого благовеста.»

И дальше – еще о проспекте. «В их городе была единственная в своем роде толпа: старики, даже люди пожилые – редкость. Город, построенный ради науки, совсем молодой, и съезжаются сюда люди молодые. Они обзаводятся семьями, многие катают уже колясочки. Нигде больше Кустов не видел такой спокойной, нарядной толпы, умеющей наслаждаться прогулкой, беседой, хорошей погодой. Тут вас никто не толкнет, вам охотно уступят дорогу, а на человека, бросившего под ноги окурки, посмотрели бы с ужасом. На проспекте можно увидеть двух до того заговорившихся ученых, что они могут остановиться прямо на проезжей части дороги, и привычные шоферы объедут их.»

Один из таких вулканов мысли, погруженный в свои размышления, заросший дремучей бородой, налетел на Кустова. Автоматически извинившись, он повернул обратно, видимо, забыв совершенно, куда шел.»

Как быть на людях

Владимир Сапожников – из тех писателей, которые избегают сочинять афоризмы, но тот, чью прозу можно читать с любого места. Всё будет мало, захочется узнавать, как дальше сложатся судьбы героев. Его персонажи, как правило, замаскированы под псевдонимами, однако легко узнаваемы. Еще один феномен Сапожникова: незримое присутствие автора, построенное на намеках бытовое, писательское, в нужных местах политическое поведение. С детства впитанное: любовь к жизни, любовь к Родине, любовь к людям...

«На Кустова оглядывались. Появляясь на людях с орденами, он чувствовал себя неловко, словно хотел обратить на себя внимание. На самом деле, Кустов не любил удивлять, и одной из причин его стойкого успеха в жизни было именно то, что он никогда не рвался к успеху. Кустов делал не карьеру, а работу и, если обходился кто-то из сверстников по службе, то только потому, что достаточно крепко был защищен от хмеля тщеславия.»

Портрет личности – основная черта писателя. В шестидесятые годы население города науки действительно руководствовало в том числе и утверждением, что подарил нам Евгений Евтушенко: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее». О том же в ярком, прочувствованном прозаическом тексте говорил и замечательный писатель-сибиряк Владимир Сапожников.

Борис Тучин